
Александр АНДРЮШКИН

РАССКАЗЫ

РЕОРГАНИЗАЦИЯ

Прапорщика Авдеева настигли сразу две беды: смерть матери и приход нового начальника, капитана Назарова.

Второе обстоятельство он, конечно, не сразу признал бедой: мало ли начальников менялось? А вот матушку было не просто жалко, но... Они составляли одно целое, и Клавдия Петровна говорила: мол, только ты меня держишь на этом свете. Он помалкивал, про себя думая: ведь и он лишь мнением матери держится, в противном случае кем бы его считали на службе? Мужу под пятьдесят, а он и в звании странном, ни солдатском, ни офицерском, а главное, должность-то занимает, по сути, денщика у начальника отдела.

Именовалась должность словом *делопроизводитель*: оказывается, выжил такой термин в дебрях Минобороны, и даже эта должность возникла в армии во времена допетровские, но пережила и династию Романовых, и советскую власть... Слово красивое, но реально никаких *дел* Авдеев не *производил*, он нужен был как живая фигура, хотя бы частично доказывающая наличие в отделе прапорщиков, каковых у них числилось шесть единиц. За двоих получал зарплату Авдеев, еще за одного — его начальник (помимо собственного оклада), а три остальных оклада относили или начальству над начальством, или пускали на *деликатные поручения*: существуют в Министерстве обороны и такие.

Кстати, если уж на то пошло, то не только «заведующий чайником и заваркой» Авдеев, но и его непосредственный начальник, и начальник над ним тоже были фигурами дутыми и смешными и нужны были для своих целей начальству совсем уж высокому... Однако терзаться по этому поводу он начал, лишь похоронив мать и протрезвев после череды поминок. Тогда же Авдеев внимательно присмотрелся к своему новому начальнику, молодому капитану Назарову.

...Назаров пролетел через приемную, едва замедлившись, чтобы кивнуть прапорщику:

— Зайди ко мне, Авдеев.

Грузный Петя Авдеев не сразу, но и не медля напоказ — очень тяжело топая, очень мешкотно вошел в кабинет начальника.

— Слушаю, тэщ капитан.

И сделал то движение — вперед и одновременно назад, — которому научился у «полковников-вентиляторов» (был у них и такой отдел, аналитический, а «вентиляторами» или «пропеллерами» его работников звали за умение быстро молоть языками). Полковники отступали на шаг, при этом создавая впечатление, что бросаются вперед, провозглашали: «Так, сегодня же завершаем, хватит тянуть!» — это означало, что найден способ отодвинуть сдачу работы еще на пару месяцев, а то и на год.

Александр Павлович Андришкин родился в 1960 году. Прозаик, критик, переводчик. Автор романов «Дети Горбачева», «Банкир». Печатался в журналах «Новый мир», «Иностранная литература», «Нева», «Звезда», «Великоросс» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

Вот и Авдеев сделал движение наезда корпусом, причем одновременно легкие человечки отбежали в укрытие... Капитан заметил и наезд пузом, и человечков, взял кожаную папку, с которой вернулся от начальства, и сильно хлопнул ею об стол.

— Доложите о мерах компьютерной безопасности отдела в случае ядерного удара! «Доложить-то ты мне должен», — почти вслух подумал Авдеев, а сказал:

— В соответствии с распоряжением маршала Язова ядерный удар снят с повестки дня... Компьютерная безопасность обеспечена в виде регулярного создания резервных копий.

— Вот! Вот... — поднял палец и погрозил им капитан Назаров, более чем когда-либо напомнивший Авдееву белобрюхую и длинноногую зеленую лягушку. — На маршала Язова ссылаетесь? Но при Горбачеве и Ельцине у нас всякие были указания: сформировать виды вооруженных сил, вступить в НАТО...

Авдеев молчал, думая, что по говорливости Назаров, пожалуй, не уступит «полковникам-вентиляторам»...

— Значит, резервное копирование? — слегка успокоился капитан. — А почему я не копирую? Как вы это делаете, покажите мне.

— Сейчас показать, тэщ капитан?

— Нет, пока не надо, но имейте в виду, что такой вопрос будет задан: нас посетит руководство... И я попрошу показать копирование именно вас, так что будьте готовы. Но никаких слов про Язова!

— Понял вас. Разрешите идти?

Начальник отпустил не сразу и помимо служебных слов произнес еще кое-что запомнившееся. Авдеев не мог не спросить:

— А что вдруг, тэщ капитан, «ядерный удар»? С чего такая тема?

И тот еще не успел ответить, а Авдеева осенило: сам же капитан и подкинул начальству любимую свою тему, а если разговора о ней не было, то выдумал сейчас.

Он догадался, а Назаров понял, что догадался, и возмутился:

— Вы что, мои слова ставите под сомнение? Давненько не проверяли отдел! И вот еще что: у вас не в порядке зубы, вы шамкаете, непонятно, что говорите. И вообще... — Назаров принялся. — Вы давно были у зубного?

— Ой, тэщ капитан... — Авдеев прикрыл ладошкой рот, который и правда был чередованием дырок и гнилых обломков. — Маму хоронил, недосуг было.

— Сходите к зубному срочно! Если понадобится, отпущу с объекта.

Вот такой был разговор... Его вспоминал Авдеев, еще не сильно разозлясь, в приемной зубного врача тем же вечером. «Ядерный удар»! Кто об этом вообще говорит сегодня? Ничего себе замах у капитанишки... Клиника была платная, и он в ней не бывал так давно, что карточку пришлось выписать заново. Дождался очереди к дежурному — грузной даме постарше его.

Она сначала ахнула, заглянув в его гнилой рот, потом недовольно спросила:

— А почему вы не ходите в районную поликлинику? Почему запустили?

— Маму хоронил, товарищ доктор... Недосуг было, — Авдееву хотелось поговорить, но она скомандовала: — Откройте рот! — и начала диктовать сестре: — Четверка — кариес. Пятерка, шестерка — отсутствуют... Семерка — обширный кариес...

Когда ткнула острым в гнилой зуб, его пронзила сладостная почему-то боль.

— Ой, доктор, я *встаю!* Встает у меня от боли! — брякнул Авдеев, а врач обиделась: «Что?!» — а он правду сказал: сосиска его набухла и натянула штаны. А он и не помнил, когда уж последний раз-то, с женщиной-то.

Врачиха закончила осмотр, но ни к кому его не назначила.

— А что мне дальше-то делать?

— Не знаю. Мы таких запущенных не берем.

— Но я мать хоронил, поймите. Все силы на это ушли.

Она уже усадила в кресло следующую посетительницу:

— На что жалуетесь?

Авдеев мялся у дверей, вышел, потом вернулся в кабинет.

— Приходите к началу смены, не знаю, какой врач возьмет вас. У вас денег не хватит все это оплатить.

Ведьма — одно слово. Не помня себя, прапорщик оделся и вышел на декабрьский мороз. Потом опять вернулся в поликлинику и тупо стоял в вестибюле. Приняла его за сумасшедшего? Побрел домой, в их с матерью — а теперь уже его собственную — двухкомнатную квартиру в хрущевке.

В этой квартире с порога ударял запах неизбывной затхлости. Недавно еще дух больной, лежащей старушки и смрад неопрятного холостяка. Теперь осталась лишь вонь холостячья.

Вернувшись от зубного, он зачем-то взял на кухне и приложил один к другому два самых больших ножа. Один, конечно, был явно длиннее, но тонкий и гнущийся, второй — напоминающий массивностью треугольную льдину или нос корабля... Это, конечно, был не нож, а настоящий тесак для рубки лиан в джунглях, например. Вот тогда-то и решил Авдеев: капитану Назарову не жить. Поколебался, правда: может, врачуху зарезать? Да нет, как можно: женщина! А вот офицера, мужик мужика...

Можно было, конечно, и застрелить, но табельное оружие выдавалось у них под расписку, да с такими формальностями, что полдня уходило на это... Он тут же одернул себя: какое еще убийство? Отставить!

Достал поскорее свою коллекцию втулок и, ерзая на стуле, начал ее перебирать. Потом залез в Интернет и скачал схему *втулочного гетеродина* — решил показать ее капитану Назарову для упрочения их мужской дружбы.

...Увы, капитан Назаров идею не оценил... Авдеев принес на объект две своих лучших втулки и начал, пыхтя, вводить их одну в другую: «Эк пошел! Эк пошел! Поршень — поршень!»

Поднял глаза и увидел серо побледневшего капитана Назарова, выглядывающего из-за дверного косяка.

— Ты... что? В своем уме?

— А вот, тэщ капитан, поглядите: втулки от гетеродина! Входит — выходит!

— Прекратить! — взвизгнул капитан. — Я вас отпускаю с объекта! Вы были у зубного?

— Так точно. Но сказали прийти в новую смену.

— Так идите сейчас же! Чего ждать?

И поплелся прапорщик Авдеев на сей раз в свою районную бесплатную поликлинику, а там, сидя в очереди к дежурному, вспоминал, как хорошо со втулками и поршнем сработал он с предыдущим начальником, майором Барабашем.

Тоже поначалу присматривались друг к другу, подозрительно принюхивались... А потом Авдеев решился: принес втулки и запыхтел, зачавкал ими, заерзал на стуле, как бы утверждаясь поудобнее на некоем *стержне всемирной идеи*...

Майор Барабаш прошел мимо него из кабинета в коридор, потом прошел обратно, одобрительно хмыкнул:

— Молодец прапорщик.

А на следующий день сказал ему со значением:

— Я тоже там собираю... Со втулкой! Можно подкручивать напряжение, слушать радиостанции вражеские...

Авдеев заглянул к майору: целая радиостанция была на столе развернута! И входил-выходил — свободно, чуть почавкивая — хорошо смазанный поршень в зевло. Так

они и сидели, не закрывая двери между кабинетом и приемной: пыхтели, творили там каждый свое, но *синергией* усиливая взаимные усилия.

Вот какой был предыдущий начальник майор Барабаш! Настоящий офицер и военный инженер! Кстати, и о назначении воинской службы они мыслили одинаково: война не нужна, она страшна, и не для того мы служим, чтобы воевать, а — чтобы предотвращать войну и за это важное дело получать законную зарплату!

Настоящий мужчина — это тот, кто получил в руки оружие, а следовательно, осознал, что применять его нельзя никогда и ни при каких условиях.

...Между прочим, майор Барабаш тогда запатентовал изобретение, да и Авдеев сейчас вышел бы на патент, если бы новый капитанишка... А в самом деле, чего не хватает для патента? — задумался прапорщик... И так глубоко задумался, что разбудила его в коридоре зубной поликлиники женщина в бирюзового цвета халате:

— Э, мил человек! Прием-то закончен! Ты чего сидишь?

— Как? А я вот с номерком... С направлением, без номера.

В общем, опять он не попал к зубному и опять не то обреченно, не то с удовольствием вдохнул затхлый запах, войдя в свою квартиру. А на следующий день он уже взял на службу тот нож, что подлиннее, и показывал капитану Назарову, как делать резервное копирование: стоял за его спиной и шупал под военным защитного цвета свитером рукоятку ножа, внутренней же стороной бедра ощущал холод лезвия в одной из брючин.

Вот так вот выхватить и... Куда всадить? Он ведь вцепится в руку, кинет через себя? Или лучше артерию перерезать, полоснуть сбоку? Пожалуй, да, именно с правого бока, правую артерию.

«Примерка» убийства состоялась, и в любой день теперь Авдеев мог (под предлогом, показать капитану не показанный ранее нюанс) войти вот так и встать у него за спиной.

* * *

Авдеев подслушал: капитан кому-то по телефону излагал свои мысли о допустимости ядерной войны.

— Мы не только не должны нагнетать страх перед якобы неизбежной ядерной зимой, мы должны внушать, что этот страх — самообман, для этого использовать суворовский способ прохода двух фронтальных линий одна через другую... — Капитан Назаров выслушал какой-то ответ собеседника и продолжал: — А я напомним: две шеренги одна на другую наступают в штыки, каждая идет локоть к локтю. Но за два шага до столкновения солдаты поворачиваются боком и два строя проходят друг через друга примерно как две расчески, если одну вставить зубчиками в пазы другой. Причем на бегу! И без потерь, ни у кого даже нет ушиба. Суворов показывал этот маневр разным высоким гостям, и издали напомидало чудо: две шеренги сходятся и, почти не замедляясь, проходят сквозь друг друга, и каждая продолжает путь. Но зачем это надо...

Капитан молчал, видимо, слушая то, что говорил собеседник, а потом объяснил:

— А главный-то смысл был: снять у солдат страх перед бегущим на них строем. Ощетиненная штыками шеренга пугает, но если ты раз, и другой, и третий прошел через нее, как нож сквозь масло, ты и в бою не испугаешься противника! А вот противник, не имея такого упражнения, не сможет не дрогнуть, и победа — твоя! Точно так же и в ядерной войне победит не тот, кого приучили бояться ядерного взрыва, а, наоборот, кому внушили не бояться! Для этого, конечно, одних словесных уговоров ма-

ло, нужно сыграть спектакль: в локальной войне объявить, что обе стороны применили ядерное оружие, но на деле взорвать снаряды обычные, а все будут думать, что ядерные. А в итоге — потерь, облученных и зараженных радиацией, считается, что много, но они все здоровы, пожалуйста, измеряйте, медики, осматривайте: патологических изменений-то нет. Так сделать на евразийской территории раз, второй и третий, и люди поверят, что ядерное оружие безопасно...

«Ах ты, сволочь!» — Авдеев все больше зверел, слушая это, а капитан опять молчал, вдумываясь в чирикающий басок в трубке, потом рассмеялся:

— Да, но пока что мы не только успокаивающих слов не говорим, мы пока пужаем изо всех сил, как если бы пехотинцу внушали перед штыковой атакой: идешь на верную смерть, столкнешься с врагом лоб в лоб и тут же будешь убит. Конечно, он и будет убит с таким внушением, потери будут колоссальны, тогда как суворовский метод позволит пройти не как ножу сквозь масло, но как штыку через нетолстую деревяшку... А это и есть нацеленная на результат психология! — победным тоном заключил капитан. — Другая и не нужна!

Авдеев бурей выметнулся в коридор... Вон они, целую теорию разработали!

Прослонявшись по объекту, он вернулся и попросил у капитана отгул для зубного, хотя сегодня у него номерок был на поздний вечер, уже после работы. Было время зайти домой, что он и сделал, и прямо возле своей парадной увидел двух женщин с белым в серых пятнышках щенком.

— А вот наш жилец, — сказала одна из женщин. — Не хотите собачку купить?

Так появился у Авдеева Назарка — песик, за которого он схватился как за последнее средство отсрочить убийство.

И, однако же, и этот песик все время напоминал ему о его враге, ведь и назвал он его издевательски, по фамилии капитана. И белой окраской своей кобелек напоминал белобрысого Назарова, да и всей статью: вроде и длинноногий, но и коротковатый, беспородный, одним словом.

С Назаркой вдвоем встретили Новый год (а до этого много лет только с мамой), с Назаркой отметили и 23 февраля. В День защитника Отечества утром Авдеев повел Назарку гулять, потом рассуждал с ним вслух, сидя в кухне за рюмкой водки и глядя на розовеющее от восхода зимнее небо:

— Ну как вот, Назарка, так можно? Как ты так легко рассуждаешь о ядерной войне? — Авдеев на миг забыл, разговаривает ли он с капитаном или с псом. Потом все же поправил себя: — Как *он* так легко рассуждает о ядерной войне? Да кто он такой вообще? Да ведь мужчина... Это же совсем другое, это значит не воевать, а вот... как-то так! — Авдеев поерзал задом на стуле, думая о том, как ему понятно, что такое мужчина, и как в то же время это очень трудно объяснить.

Песик набегался и наигрался и ненадолго прилег отдохнуть, смотрел на хозяина сумасшедшими круглыми глазами.

А Авдеев выпил рюмку водки, зажмурился... И вспомнил о матери. Он часто вспоминал ее, когда готовил еду, ел на кухне или мыл посуду. Много лет уже, как их посуда приобрела несмываемый серый, жирный налет, особенно — странным образом — с внешней стороны, то есть тарелки были грязными снизу, а стаканы и чашки — снаружи.

Внутри, конечно, тоже не блеск, но изнутри сам чай или, например, водка смывают грязь, а кроме того, в посуде моешь прежде всего запачканную пищей поверхность. И Авдеев удивлялся: как у женщин хватает терпения мыть еще и с внешней стороны?

Уже лет десять, как у них появился на посуде этот налет, и он однажды сделал матери замечание, она возмутилась:

— Женись! Пусть жена тебе и моет посуду... А у меня уже и руки, и глаза не те...

И вспомнилась Авдееву та особа, которую он нанял в сиделки матери, незадолго до ее смерти. Как бишь звали ее? Татьяна, Тамара?

Глядя на песика, он пытался вспомнить имя той женщины и то, как она одевалась и выглядела. Почему-то ему вспомнилось сейчас, что она приходила в белом платье с черным узором, но, скорее всего, так показалось потому, что он глядел на своего белого с черными и серыми пятнышками кобелька. Запомнился не цвет одежды, а другое — ее крайняя поджарость. Словно человек хронически недоедает, привык экономить на каждой крошке: так оно, наверное, и было. В то же время она не казалась больной или изможденной, наоборот, вполне себе живой. Вот только когда присмотришься к этому впалому животу и почти плоской груди, к этим втянутым щекам... Тогда удивление брало: нечасто встречаются столь худые. Хотя и мама его не отличалась упитанностью.

Собака собакой; пес, конечно, разрядил обстановку. И все же вскоре после 23 февраля произошел у Авдеева тот напряженный разговор, которого, ясно было, что не миновать. Опять капитан Назаров вкручивал кому-то по телефону о ядерной войне, и на этот раз прапорщик не смолчал:

— Товарищ капитан, вы так вольно по ядерную войну... Не страшно вам?

— Не страшно. А вам?

— А мне страшно! Нельзя же так шутить.

— Какие шутки?.. Но скажите, Авдеев... А вы всего боитесь? Есть такое, чего вы не боитесь?

— Как то есть?

— Ну, может, вы не конкретно ядерной войны опасаетесь, а вы вообще... опасливый человек. Вот я и спрашиваю: есть что-то, чего вы не боитесь, Авдеев?

— Есть, товарищ капитан: вас.

Тот молча смотрел и, кажется, скрипнул зубами. А Авдеев ничего не добавил и вышел. Назаров же неподвижно так и сидел за столом.

...Вообще-то, не ожидал такой реакции Авдеев. Она означала, что капитан затаил злобу?

Выяснилось: так оно и есть. Через месяц с лишним, в апреле, Назаров нанес ответный удар. О реорганизации отдела говорили еще с прошлого года, прапорщик привык на эти речи внимания не обращать. То объявляли, что в Министерстве обороны создается свое «Роснано» — «Инновационное управление», то называли это «военным Сколковом», и им спускали новое штатное, где вместо шести «прапорщиков-делопроизводителей» значилось шесть «инженеров-технологов».

Все это была рябь на воде, но со второго квартала штатная схема с инженерами-технологами вступила в силу, пришлось написать заявление о переводе и ознакомиться под расписку с новыми должностными обязанностями (почти не отличающимися от старых). Оно бы все ничего, но рядом с Авдеевым пустовавший раньше стол занял протеже капитана Назарова — двадцатисемилетний парень Володя, программист, непонятного облика и нрава субъект, якобы очень грамотный в своем деле.

Оно бы, опять же, ничего, но образовались какие-то «отчеты по этапам работ», которые дважды в неделю отдел должен был сдавать во внутренний аудит и которые носить с этажа на этаж Назаров поручил не новенькому Володе, а Авдееву. Вот это и была, судя по всему, месть капитана. Авдеев сначала к новенькому: давай хоть по очереди будем носить? Тот покачал головой: не знаю, у начальства спрашивайте.

Авдеев к Назарову:

— Тэщ начальник отдела, по-моему, есть ведь и помоложе меня...

— Есть помоложе, но у него свой функционал, и я не прошу, а приказываю отнoсить отчеты именно вам! Уже не как старший по званию, но как гражданский начальник отдела, если хотите — прикажу под роспись! Вам все ясно?

— Ясно, — ответил Авдеев, взял бумаги и вышел, но именно теперь твердо решил: все, капитан больше не жилец.

Вечером застегнул поводок на ошейнике своего Назарки:

— Все, Назар, последний раз гуляем...

Тот суетился, резвился, не понимая...

Была очень стылая, промозглая весна, по ночам еще морозило, а в восемь вечера, когда желтое солнце садилось за крыши, прохватывала сырость, кусал кожу невидимый студеный туман.

Но во всех новых районах ближайшие к блочным домам кусты уже окутались зеленым дымом, раскрылись почки. Но это редко где. А вот трава зеленела везде.

Почти каждый день шел мокрый снег, и в то же время уже выползали черви на асфальт, и Авдеев шел по дорожке, стараясь на них не наступать. Впрочем, большинство были раздавлены, да и червей ли жалеть, если завтра он порешит капитана Назарова?

«...Ночью опять будут заморозки, — думал он, — а трава все-таки лезет...» От этих небольших, но мясистых зеленых лопушков здесь и там шло ощущение силы; такое было впечатление, будто некто — дух зеленых растений — напряг всю свою мощь, натужил спиною, поднимая некий груз.

Отдельные побеги вылезали из черной влажной земли с таким видом, будто кто-то задействовал свою самую сильную мышцу — бицепс или бедро; да что там, эти растения сейчас действовали всей своей жизненной сущностью.

Разных видов и оттенков, не только простые лопухи и одуванчики, но и какие-то декоративные, морщинисто-кожистые, — они были в большинстве ядовитого цвета, как и простая трава. Этот неестественный цвет летом запылится и обветрится, но сейчас...

Авдеев услышал взвизг кобелька и увидел, что на его Назарку насаждает какой-то откормленный светло-золотистый бугай с короткой шерстью; хозяйка, выгуливающая бугая, стояла спиной, но в ней Авдеев вдруг узнал... Ту самую домработницу, Тамару или Татьяну! И она его узнала:

— Вот так встреча!

— Выгуливаете? — только и нашелся спросить Авдеев.

— Да вот чужую, хозяйскую...

— Да? А я своего.

— Мальчик? А у меня девочка, а смотрите, как налетает, первая прямо.

Авдеев мрачно усмехнулся, Действительно, откормленная сука первая лезла к его Назарке, обнюхивая его под хвостом, а тот отбегал с визгом, потом опять боком кидался на нее...

— Как ваша мама? — спросила собеседница.

— Мама умерла.

— Ой! Соболезную.

— И мне как раз бы... Надо вас! — сам не понимая, что говорит, выпалил Авдеев. — Не хватает человека... Заходите.

— Ладно, зайду... Обязательно! Прямо сегодня, можно?

Он шел домой, стараясь не слишком глубоко вдыхать сырой воздух, чтобы не простудиться. Солнце уже село, но из-за горизонта светило желтым светом.

«Будет кому носить передачи в тюрьме», — подумал Авдеев о встреченной им женщине. А потом залюбовался на голые в большинстве деревья в зеленоватом сумраке вечера. Песик бегал уже как-то устало, а Авдееву казалось: они с Назаркой не идут, а плывут под водой, в зеленой морской глубине.

В ОФШОРЕ

Грохот «боинга» не такой, как у советских самолетов, — если их, конечно, правильно помнил Кочемасов. Те грохотали назойливо, эти — с запасом мягкости, хотя в итоге громче. И Атлантический океан под крылом — не то что наши лужи-моря. Ну а уж сервис — и подавно не тот, и сравнивать нечего, — причем Кочемасов думал не о стюардессах, а о западном сервисе в целом, о тех же офшорах, например, в один из которых, собственно, и летел он сейчас, уладить некоторые дела.

Путь его лежал через Франкфурт на Британские Виргинские острова, где он уже бывал лет десять назад, и даже, кажется, цены с тех пор не подросли. Об этом свидетельствовал попавший в руки Кочемасова проспектик, украшенный на обложке снимком чуть ли не той же самой гостиницы, где он тогда останавливался... сто тридцать — сто пятьдесят долларов в сутки в «низкий сезон», сто сорок — сто шестьдесят в «высокий сезон». Столько же стоит не очень роскошный номер в Москве, но интересно, а что у них называется «высоким сезоном»: видимо, то, что совпадает с европейским летом?

Стало быть, в тропиках по эту сторону экватора совпадает, а где нет?

Юрий Владимирович Кочемасов решил обратиться с этим вопросом к попутчику в самолете — немцу, но, как он и предчувствовал, разговора не получилось: немец то ли делал вид, что не понимает его, то ли и правда владел английским еще хуже Кочемасова...

Так и не удалось ни с кем пообщаться до острова Тортола. Заселился в гостиницу, спустился в бар, украшенный сухими пальмовыми ветками и кокосовыми орехами на полках. Первая встреча с англичанином-юристом была назначена на следующее утро, и предстояло скоротать вечер. Кочемасов попросил у бармена текилы, тут же признался ему, что никогда ее не пробовал:

— Живи и учись...

Ему казалось, что он произнес эти фразы — свой заказ и поговорку — на чистом английском, но сидящий в баре единственный одинокий посетитель — а за столиками еще всего в двух местах сидели по двое — вдруг насмешливо хмыкнул и слегка по-клоунски развернулся в его сторону:

— А разрешите к вам с изящным разговором обратиться?

— Ого! Соотечественник?

— Так точно... Свой своего...

— But how did you guess that I was Russian? (Но как вы угадали, что я русский?) — спросил его Кочемасов опять, как ему казалось, на чистом английском.

А собеседник, одетый в белую тенниску и белые же шорты, вдруг разразился длинной и какой-то полушутливой тирадой на французском языке (кажется, он был уже в подпитии)... Это был жилистый, а может быть, скорее подсушенный бледно-смуглый кудрявый мужчина, больше всего действительно напоминающий француза или итальянца. Мгновенная реакция, жестикуляция, и глаза из-под черных бровей укалывали неожиданно зорко, и все время он артистически взмахивал по-обезьяньи длинными руками и сыпал французскими восклицаниями.

— А вы что пьете? — спросил Кочемасов все так же по-английски, заглянув ему в стакан с кубиком льда.

— Я пью двойной виски... Кстати, повторите, пожалуйста! — обратился к бармену собеседник. — Уфф... Давайте все-таки перейдем на русский... Разрешите представиться: Сергей Исаев, Москва, а я с кем имею честь?

— Юрий Кочемасов, тоже москвич...

Визиток они доставать не стали, хотя названиями фирм, где работали, обменялись... «Газпром-медиа» — так назвал свое место работы Сергей Исаев, на что Кочемасов ответил ему не менее весомым: «Транснефть». И многозначительно повел рукой от своей белой рубашки к белой же тенниске нового знакомого... Не сговариваясь, сели за столик, откуда их не так хорошо могли слышать другие. А первый глоток текилы напомнил Кочемасову советские коктейли с ликерами... Как и этот разговор двоих в баре в тропиках вернул в мечты молодости о валютных загранкомандировках... Вот так же, мол, будешь проводить время в прохладном от кондишена баре.

— Ваш виски, сэр! — официант поставил стакан перед Исаевым, который вскочил и изящно-гибким жестом приложил почему-то левую руку к правой части груди... С других столиков на него смотрели не без удивления.

— Вы думаете, насколько я... Нет, лучше скажите вы: что вас привело сюда? — Исаев опять слегка кольнул Кочемасова взглядом из-под комически нахмуренных бровей.

— Ну как же? Офшор...

— Счета в офшорах давно открывают, не выезжая из Москвы... При этом, конечно, личное присутствие... И вообще...

Кочемасов подумал, что пора бы уже взять серьезную ноту.

— И вообще, — сказал он, угрюмо глядя в золотистую жидкость в своем стакане, — хочется иногда отдохнуть от поганой России!

— Ого! — Исаев смеялся долго и так заливисто, что на них опять стали оглядываться...

А Кочемасов понял-таки назначение той первой вдохновенной речи на французском: дескать, как бы хорошо ты ни владел западными словами, а есть что-то — помимо слов — подтверждающее, что ты соотечественник.

Однако следовало решать: продолжать ли знакомство... Слишком уж развязно вел себя этот человек.

— Чем в «Газпроме» занимаешься? — грубовато спросил Кочемасов.

— В «Газпром-медиа», — поправил тот. — Так, ничем. Бумажки двигаю... Начальник отдела. — А чем занимается в «Транснефти» Кочемасов, не спросил. Вот это была действительно серьезная нота!

Они какое-то время сидели молча.

— Контент рекламы... — не совсем понятно объяснил наконец Исаев свою работу. — НТВ и другие каналы. Реклама не должна превышать двадцати процентов времени, мы бы и хотели, да не имеем права давать больше. Поэтому сжимаем, как бумагорезка такая, — Исаев ребром маленькой ладошки постукал по столу.

— Ясно. Ну а мы еще проще: «Транснефть», транспортируем нефть.

— Да, это монополия, — кивнул Исаев. — Такая же, как «Газпром».

— Я в ней начальником отдела подвижного состава. Хотя железная дорога не наш профиль, но...

Кочемасов чуть было не пустился в пояснения, одернул себя. Мужик, тебе почти ровно... (Но возраст свой Кочемасов скрывал.) Не собрался ли ты перед встречным в баре раскрыть то, на что сделал главную жизненную ставку, — которая, возможно, уже бита, хотя ты этого не знаешь... Сплошь и рядом один монополист почему-то не выносит другого, вот и нефтяники поголовно терпеть не могли РЖД — Российские железные дороги — «монополиста», как они презрительно фыркали. И не только «Транснефть», но и другие нефтяные компании обязательно старались создать железнодорожные, но свои дочерние фирмы, оттягать у РЖД цистерны, если получится — подъездные пути, диспетчерские пункты, сделав их своей собственностью. Таких «мини-РЖД» было теперь в России десятка два, и Кочемасов уже лет пятнадцать

назад понял, что это его шанс, что... Почему бы и ему не сделать свою фирму? Сначала «левым образом» — будучи менеджером в одной компании, но бенефициаром в другой, а потом — бог знает — может, и открыто объявить себя президентом чего-нибудь железнодорожно-цистернового?

...Пока президентом себя не объявил и, видимо, уже не объявит. Железнодорожную фирму, им созданную, взял под себя другой полумонополист-нефтяник, оставив, правда, Кочемасову приличное количество акций. Но все время клонилось к тому, что и этих акций его каким-то хитрым способом лишат; для того, чтобы избежать этого, он и прилетел сюда.

— ...Ну ладно, был рад с вами познакомиться, — Кочемасов, не допивая текилу, встал. — Я один здесь, а вы?

— Я с женой, — ответил ему Исаев, тоже не допивая виски, но и не вставая. — Мы, конечно, еще встретимся: в одной гостинице живем...

* * *

Англичанин-юрист был худ и истощен, как на последней стадии болезни. Звали его Брайан Эдвардс, и они с Кочемасовым понимали друг друга без лишних слов, по тому выбору, который делал Юрий Владимирович из предлагаемого ему.

Сейчас ему требовалось учредить запасную фирму, которая выкупит акции другой, тоже офшорной, но принадлежащей трем соучредителям. Этих-то акций Кочемасов и не хотел лишиться, для чего собирался, внезапно, умыкнуть все сам.

— «Блэк Айрис», — предложил Брайан название новой фирмы, но Кочемасов покачал головой. Он все-таки чувствовал смысл имен и попросил нечто светлое.

— Я понимаю, — Брайан кивнул. — Вы хотите жизнеутверждающей операции... — Он перелистнул список «пустых» компаний и произнес своим басом распорядителя на траурной церемонии: — «Санрайз оверсиз трейдинг лимитед»... Как насчет?

— Отлично! — одобрил Кочемасов. — Я хочу сразу подготовить протокол о покупке акций у имеющейся компании этой, вновь учрежденной... У нас три акционера, и один будет «против», но второй «за», значит, будет два голоса против одного, решение по уставу легитимно. Я правильно рассуждаю?

— Похоже, что да.

— Собрание проведем через месяц в Москве.

— Нет, — коротко отказал Брайан. — Боюсь, что заочный протокол мы не сможем принять, собрание акционеров должно проходить здесь, с присутствием их лично или их полномочных представителей. Я выйду на минуту, а вы, пожалуйста, подумайте, будете ли в таком случае регистрировать фирму...

Юрист удалился... Телефонные разговоры из Москвы могли услышать чужие уши, e-мейлы — прочесть чужие глаза, поэтому с Брайаном Эдвардсом Кочемасов все заранее не обговорил, и теперь голова кружилась.

Встал и подошел к стене позади хозяйского кресла, прочел надпись на самой красивой матово-золотой пластине, привинченной золотистыми шурупами к доске орехового дерева:

«Корпорация Крайслер выражает благодарность юридическому бюро „Дэйвис, Эдвардс и партнеры“... Главный управляющий...»

Да, Брайан — солидный человек, придется с ним согласиться. Кочемасов сел на прежнее место. Ближе, конечно, было бы свозить совладельцев на Кипр, но главной неизвестной было то, какой ценой удастся уговорить третьего компаньона. Кочемасов и его основной противник Васильченко имели по сорок семь с половиной про-

центом акций, третий, его тезка Юрий Лемберг — всего пять процентов. За свое согласие он, конечно, потребует увеличить долю, и придется снова переписывать устав.

— Я согласен, господин Эдвардс, — объявил Кочемасов вернувшемуся в кабинет англичанину. — Зарегистрируем новую фирму и подготовим проект протокола, дату подписания я скоро вам сообщу.

* * *

Делу время, а потехе... После юриста обедал с новым знакомым Исаевым и его женой Леной, ожидаемо молчаливой. Зато Исаев был говорлив даже не за двоих, а за всех троих. Улучив паузу, Кочемасов слил ему приготовленную ложь о том, что якобы не свой бизнес делает здесь, в офшоре, но помогает молодым: дочке и зятю. «Подстелю соломки им, чтоб больно не ударились...»

— Но зачем молодежи тащиться сюда, в Западное полушарие? — отпарировал Исаев. — Мальдивы или лучше Сейшелы! И ближе к дому, и офшор, и отдых шикарный, а здесь даже пляжа нет приличного!

— Сейшелы? Я там не бывал... Не очень, знаете ли, разбираюсь...

— А я сейчас все расскажу! Я как раз узнал, что сейчас туда очень дешевые рейсы, долетите почти даром!

И Исаев достал авиационный буклет и заставил Кочемасова записать основной рейс и стыковочный: отсюда в Лондон, а дальше — наискосок над Европой и Африкой — прямо на Сейшелы, лежащие всего в трехстах километрах к северу от Мадагаскара.

— Оттуда недалеко и до Мальдив, они ведь южнее Индии!

Исаев, чувствовалось, поймал вдохновение, а Кочемасов тоже подпил так, что шумело в ушах и казалось все по силам: Сейшелы, Канары, Багамы, — все перемешалось в воспаленном мозгу.

Сегодня утром он обдумал свою первую, вчерашнюю встречу с Исаевым и ужаснулся: он немногими словами выболтал новому знакомому очень многое! Допустим, Исаев действительно занимает ту высокую должность, которую назвал, но от него все же могли потечь сведения... Начальник отдела — «Транснефть» — подвижной состав — офшор. Здесь вся схема Кочемасова была налицо, потому и понадобилось теперь врать напрапалую про дочку и зятя, и какие они шалопаи, и как он готов лететь для них хоть на Сейшелы, хоть к чертовой матери на Балеарские или Маркизовы острова...

Исаев отошел, а его жена Лена усугубила опасения Кочемасова: она тоже разбиралась в заграницах.

— Сережа отпуск обычно дробит, — призналась она после обычной для нее молчаливой паузы. — Две поездки в год у него минимум, а я, как правило, с ним.

— А вы, простите, где работаете?

— Там же, где и он: «Газпром-медиа». Но рангом ниже, — добавила она скромно.

Вот оно! — Кочемасов махнул двойной виски. Если главный смысл их жизни — путешествия на иностранные курорты, значит, он правильно начал шифроваться! Ни в коем случае не сказать им, что с Брайаном дела еще не закончены, что тот на подготовку бумаг запросил целые сутки, до послезавтра. Следовательно, Кочемасов свободен весь нынешний вечер и завтрашний день...

— ...А не проследовать ли нам на пляж, господа? — Это вернулся Исаев. — Юрий Владимирович, вы, смотрю, обгорели, кремом-то каким пользуетесь?

Несмотря на веселый тон соотечественника, Кочемасов почувствовал, что стал Исаеву не так интересен... Что и требовалось доказать! Сославшись на солнечный ожог,

он отказался от пляжа, а на вопрос Исаева, когда они встретятся, ответил уклончиво. Кочемасова «понесло», и Исаев это понял:

— При начавшемся запое за границей... Вам известны действия? Впрочем, о чем это я — вы ведь в солидных годах...

— Что вы! — Кочемасов, разведя руками, изобразил изумление. Он был сейчас, грузный, более чем когда-либо похож на Бориса Николаевича Ельцина. — Я отдыхать приехал... Я старый человек... — А глаз невольно подмигивал жене Исаева, которая, улыбнувшись в ладошку, помахала ему рукой и направилась к выходу из ресторана.

— Знаем-знаем... — Исаев жестко пожал ему руку на прощание. — Что ж, желаю вам приятно отдохнуть.

...Черт побери вас всех! Я наведу здесь шороху! Кочемасов, как пароход, включивший «полный вперед», направился в магазин и купил большую бутылку виски. Прямо на ресепшене заказал себе массажистку в номер, пришла не говорящая по-английски смуглая девица, испаноязычная. Но цифры понимала, так что в цене сошлись. Оказалась она столь умелой, что за пять минут разрядила все то, о чем Кочемасов вообще сомневался: а есть ли оно еще? Оказывается: есть порох!

Грузный, с обвислым животом, он встал перед зеркалом в номере, пухлой рукой со лба назад пригладил растрепавшуюся седину.

* * *

На следующий день он переболел похмельем и уже больше ничего себе не позволял. Ни грамма спиртного!

Купил билет до Сейшел через Лондон, как и советовал Исаев: шифроваться, так до конца! И постепенно какой-то новый образ стал созревать в нем, видел он себя уже не Борисом Николаевичем Ельциным, а скорее этаким Владимиром Владимировичем Набоковым.

Не «седой и жирный», но «седеющий и округлый»; и какую-то новую мужественность он начал в себе ощущать: уже «карибскую», заокеанскую.

...Пустой синий горизонт; ты все плывешь, а океан все такой же безбрежный. Но вот — точка! Встречный корабль... Но что тебе с него? И опять — дни и недели в морской бесконечности... Однако же вот... Облака! Маленькая белесая кучка над чем-то, чего ты еще не видишь, хотя с мачты уже кричат: «Земля!» Это первый встреченный остров.

...А попутчик на обратном рейсе с Сейшел ему не понравился: русский и злой. Хотя места их назывались «бизнес», но это был тот «бизнес», где просто оставляют свободным одно кресло между двумя пассажирами, давая обоим простор, но не запрещая общаться. Без поднимающейся стеночки, одним словом. И вот молодой нахал вел себя так... Кочемасов сразу решил с ним не разговаривать и выдержал почти весь полет.

Это был опять рейс в Лондон, так как прямого с Сейшел в Россию не оказалось; в Лондоне на пересадку пришлось спешить чуть ли не бегом, и эта спешка, как и свист, шипение и грохот самолетов на летном поле в Хитроу уже как бы готовили к Москве и к мерзостям отечественной жизни. Какая, черт возьми, «карибская мужественность», тут уже царил европейский «крысиный бег», стремглав мимо лязгающих каких-то громадин, которые сомнут и раздавят и помчатся дальше, ничего не заметив... Ну что ж, и мы не пастушки, для того и в офшоры летали, чтобы все было схвачено, чтобы схватить руками вот так, изо всех сил, за горло и страшно сжать, на пределе напряжения задуть конкурента.

ГОРОД ЗЕЛЕННЫХ ШАРОВ

Тянулись глухие и дремучие советские годы. Миша Никитенко и не чаял так называемого ослабления гнета, да и кто на это надеялся? В последний год их учебы в ленинградском Политехе узнали о смерти Брежнева, однако новый генсек Андропов лишь нагнал страха, распорядившись прервать переговоры с американцами о разоружении. Обмирало сердце: неужели сможем пойти на них прямо в лоб?

Учеба в техническом вузе, конечно, не означает равнодушия к политике. Технарь не значит простак, это усвоил Миша Никитенко и от отца — морского офицера, и от густохохлацкого деда, чьи поговорки запомнились. «Хохол не соврет, да и правды не скажет» была лишь самая невинная из них, а некоторые и совсем нельзя было повторить ленинградским однокурсникам, да и однокурсникам-парням... А что сказать о бабушке-польке, да и с маминой стороны хватало так называемых неправильных родственников, а у кого они, спрашивается, полностью правильные, никак у Андропова?

Мишино распределение из Ленинграда в Киев было для него полной неожиданностью. «Злая ирония!» — подумалось, когда руководитель диплома, ленинградский профессор Боголюбов вместо того, чтобы взять его к себе аспирантом, вдруг настойчиво предложил аспирантуру у киевского коллеги, профессора Широкограда. Миша чуть не вспылал: «Мои деды, отец пробивались с Украины в Россию! Я рассчитывал бы, если уж в другой город, в Москву получить распределение...»

— Попадете и в Москву, — успокоил его Боголюбов, — со временем. А лучше возвращайтесь в Ленинград. Но сейчас важно взаимодействие с Киевом, Широкоград прислал заявку на пятерых наших. Я вам сейчас поясню, хотя, думаю, вы и сами понимаете...

Ничего толком Боголюбов не объяснил, но Михаил действительно все понимал. В Ленинграде успешно внедрили лучевую трубку в качестве коммутатора, киевляне надеялись повторить то же, может быть, даже обогнать ленинградцев. И вот Боголюбову нужен был в Киеве надежный человек, скажем прямо — связной; эту роль он, по сути, навязал Михаилу. С другой стороны, и киевляне нуждались в человеке, близком лично к Боголюбову, таким был писавший под его руководством диплом Миша Никитенко.

Когда Михаил рассказал все отцу, тот решил сразу:

— Соглашайся! И в мыслях не держи отказываться! Нас, военных моряков, кидают с базы на базу, но, как видно, на гражданке то же, главное, всякий раз переходят с повышением. Тебя здесь полжизни будут держать за ученика, а в Киев ты сразу приедешь как ценный специалист, это и есть повышение!

Михаил и сам понимал, что согласится, тем более был один, как говорится, личный нюанс. Вместе с Широкоградом побывала в Питере его аспирантка-первокурсница Таня Водовозова, спортивная темноволосая девочка, от которой некая искра пробежала к Михаилу.

(Хотя что-то и кричало ему: берегись! Фамилия слишком говорящая! Если бы хоть Мясниковы или Охотниковы, а то — Водовозовы... Явно предки были из людей простых и даже грубых.)

В общем, он подписал распределение и стал киевлянином. Якобы привез с собой из Питера «ценные наработки по лучевым трубкам». Но какой там опыт у вчерашнего студента? Двойной агент — вот его настоящее назначение, в чем он сам себя не обманывал. И еще в одном не ошибся: в первый же год стал мужем Танечки Водовозовой, а еще через год у них родился сын.

* * *

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Михаил окончательно обосновался в Киеве лишь в декабре после своего выпуска, то есть ровно через год и один месяц после смерти Брежнева в ноябре 1982-го. Андропов к тому времени уже почти не вставал, по телевидению показывали, как он принимает посетителей полулежа.

...Да, впрочем, бог с ней, действительно, с большой политикой! Вокруг ЭЛТ (электронно-лучевых трубок), вокруг советских ЭВМ, вокруг гибких автоматизированных производственных линий (ГАПЛ) столько противоречий закручивалось, а какие бои велись: они по ярости, пожалуй, не уступали борьбе внутри Политбюро. Из-за этих заморочек Миша всю осень мотался из Ленинграда в Киев и обратно, да еще с заездами в Москву, благо командировки оплачивались.

Хорошее аспирантское жилье он в Киеве получил сразу, а вскоре, если женится, обещали и квартиру, не дожидаясь защиты кандидатской. Задержка была за несчастными трубками, которых в Ленинграде изготовили считанное количество, а в Киеве их не было совсем. Широкоград договорился приобрести пару штук за большие суммы, но ленинградцы все не подписывали бумаги.

Как бы там ни было, к концу декабря Михаил почувствовал себя киевлянином, огляделся, присмотрелся... И ахнул! Весь Киев — все сбросившие листву, мокрые от декабрьских дождей деревья — был усеян шарами вечнозеленого растения-паразита омелы.

Кое-где это были небольшие зеленые пучки, кое-где напоминали вороньи гнезда или неряшливые густые бороды. Обыкновенный куст омелы выглядит как вполне правильный светло-зеленый шар, похожий размером и даже очертанием листочков на большой куст черники, только ягоды не черные, а водянисто-белые.

Вначале Михаил не верил, что это могут быть растения, неродные кронам, которые они покрывали, он лишь удивлялся: почему киевские деревья так неровно облепляют или, точнее, частью ветвей зеленеют, тогда как другая часть оголилась?

Лишь приглядевшись, он понял, что это действительно самостоятельные произрастания на сучьях обыкновенных лип, ясеней, кленов, дубов, яблонь... Иногда постороннее растение было одно на все большое дерево, иногда их можно было насчитать три, пяток, десятков... Кое-где зеленые шары распределялись так равномерно, что в самом деле казались собственной листвой дерева, продолжающей зеленеть в декабре.

— Слушай, что это? — удивленно спросил он Таню Водовозову, с которой они были уже близки и жили как муж и жена.

— О чем ты?

— Вот эти зеленые кустики... По-моему, остролист или омела, какой-то обычай с ними связан?

— Не знаю обычая, — ответила она. — А кусты эти, честно говоря, я не замечала.

Михаил и с другими киевлянами заговаривал, слышал похожее:

— Омела — местное растение, — скупно отвечал кто-то. Другой добавлял:

— Красивый вечнозеленый кустарник, кое-где его вместо елок ставят на Рождество.

Но у нас не принято, предпочитаем елки.

Михаил залез в энциклопедический словарь:

«Омела — род вечнозеленых кустарников семейства ремнецветниковых, паразитирующий на многих, в том числе плодовых, деревьях. Около 60 видов в Европе, Африке, Азии. В СССР — 2 вида. Приносит большой вред деревьям».

«...Нельзя так увлекаться! — останавливал он себя. — Подумаешь, омела! Других, что ли, интересов нет помимо работы?» Они были и сводились к одному имени — Та-

ня Водовозова. Миша с Таней откровенно и без затей влюбились друг в друга, он сделал ей предложение, ведь его в ней устраивало все... Кроме разве что будущего тестя, Павла Васильевича, кстати, тоже военного, как и собственный Мишин отец, только Водовозов был артиллеристом. И почему-то изредка ловил на себе Миша его брезгливый и неприязненный взгляд, будто «зятек» чем-то крайне неприличным занимался с его дочерью.

Таня, вообще-то, умела заводить и сводить с ума... Спокойно относилась к молодежным пьянкам, в которых и сама участвовала, и оттого, что они в эту первую осень часто встречались «под рюмкой», город Киев был для Миши размытым пятном, он долго в нем не ориентировался... «Я украинец по фамилии, — говорил он, — но по воспитанию — русский, я ни черта у вас не понимаю».

Жила Таня в Голосеевском районе, где они тоже встречались помимо работы, потом ехали куда-нибудь или шли... В Киеве транспорт взбирается на горы еще покруче московских! И вот вышли в некий ботанический сад. Будний день, и народу никого, двадцатое декабря, а солнце жарит, словно это бабье лето. Внизу Миша вдруг увидел церковные маковки:

— Ба! Да это же Киево-Печерская лавра!

— Не совсем, — поправила Таня. — Этот, как его... Выдубицкий монастырь...

Михаил присмотрелся к крестам на золотых навершиях.

— Но это действующие храмы? Открыты вообще?

— Не знаю, — ответила она. — Мы комсомольцы, в церковь не ходим... Действует, по-моему.

— Тем не менее... — Михаил вопросительно привлек ее к себе и огляделся, она его сразу поняла:

— Вон там.

Склон был покрыт сухой травой, из которой кое-где торчали серые скалы. Они нашли уголок, где не было ветра, она села на скалу, он чуть ниже, щекой лег на ее колени, замечтавшись и глядя вниз на горящие на солнце кресты и на туманный Днепр, неширокий здесь. Таня отошла, потом опять села, подтянула его за руку и руку свою положила под его затылок, раздвинула ноги. Он увидел, что она сняла трусики, и замер.

«Вот это и есть то, чему гадливо усмехается мой будущий тесть? — осенило Мишу. — Так не дождетесь же!»

Он стащил ее с камня и быстро подстелил куртку на сухую траву, завалил ее на спину и заставил поднять ноги. И отодрал как... Она против этого ничего не имела, только нельзя было вслух назвать ее грубо и даже непочтительно... А думать о ней не возбранилось все что угодно.

* * *

В ту осень, и в первую зиму, и даже в первую весну в Киеве Михаила так поглотила работа и так опьянила любовь к Тане, что он начисто забыл еще об одном, чего сразу стал ждать от распределения, — о встрече с украинской культурой. Но, как выяснилось, она не забыла о нем.

Киевский НИИ, к которому прикрепил Мишу профессор Широкоград, располагался в крепеньком особняке XIX века; три дня в неделю Миша работал здесь по такому же графику, как и штатные сотрудники. Однажды попросил разрешения задержаться на работе, и именно в этот вечер его на выходе из института встретили молодые коллеги из другого отдела: Станислав и Аделина. И еще с ними был третий, который внача-

ле стоял спиной к разговаривающим, как бы отслеживая подходы с другой стороны. Станислав (в чьем имени, на польский манер, нужно было делать ударение на втором слоге) притворился, что удивлен и очень рад увидеть «пана Михася». А Михаилу почему-то показалось, что ждали они именно его.

— Це ж вот ще один шановний пан! — воскликнул Станислав. — Пани Аделина, ви знайоми з паном?

То, что разговор начался на украинском, Михаила тоже резануло: он даже местные новости по телевидению почти не понимал, а говорить на мове и вовсе не пытался. Так что и Станиславу пришлось перейти на русский; впрочем, это был такой милый треп, наполовину состоящий из улыбок, взятия под локоток и взаимных перемигиваний, что Михаил вскоре забыл, на каком языке они говорят.

Они вместе сдали ключи и вышли из института; у четвертого, Петра, оказалась машина, и как Михаил ни отказывался, его таки подвезли. Но еще перед тем, как сели в темно-синие «Жигули», Станислав сказал, вероятно, самое главное:

— Це дуже гарно, шо мы зустрелись з вами, бо я хотів пана запрошувати на «Зустріччя пана Гетмана», видаєте про таких?

— «Встречи пана Гетмана»? — переспросил Михаил.

— Ну да, если угодно... Это наш долг, украинцев, знать историю нашу, ничего подпольного, но, как бы так сказать, неформально...

Он записал, когда и куда приглашают прийти. О жене его речи не было, а из троицы главной — он это понял в конце — была Аделина. Прощаясь, она вышла из машины и пожала ему руку, при этом задела его лицо таким неприятным взглядом, который о многом заставил задуматься. Бывало, и Таня столь же враждебно-холодно глядела на него... «Украинский обычай, однако!» — подумал Михаил уже в эту первую встречу с Аделиной и, кажется, тогда же понял, что у них будет роман: так и получилось.

Ничего необычного: Михаил позже узнал, что по статистике муж чаще всего впервые изменяет жене, когда она забеременела. Вот и Таня весной сообщила ему, что у них будет ребенок, а летом у них все и случилось с Аделиной.

Странная это была связь... Аделина как будто бы очень многое ему позволяла, гораздо больше, чем русские девушки, но все словно бы запоминала, как бы зачисляя в некий долг, который он обязан выплатить. Русская девочка могла и поскандальить, но если ты взял ее отчасти силой, она не помнит зла; возможно, поплачет и успокоится. А здесь тебя явно сажали в долговую яму, и каждым словом ты усугублял вину и увеличивал задолженность. Ну что же, успокаивал себя Михаил, сказывается польское, католическое влияние, это надо знать, как и сам язык, который он потихоньку осваивал. Все-таки везде в советском Киеве бомбили мовой: названия улиц и объявления в транспорте, газеты на украинском и передачи по радио и телевидению. Да и разговоры эти «У пана Гетмана» велись на украинском, а жене он по какому-то наитию ничего о них не говорил, врал, что задерживается на работе.

...И вот явление совсем другой, преображенной Аделины... Это что было — наяву или всего лишь в тех сексуальных мечтах, которые мы угадываем друг у друга? Она выходит с золотым отблеском, а юноши и мужчины стоят на коленях; она распахивает халат, и торчит оттуда золотая булава власти, и Михаил чувствует неодолимую потребность пригнуть голову ниже...

Отчего он завелся, что заставило его оскорбить Аделину? Да и оскорбил ли он ее: неужели не знала, что он женат, какого же дьявола обижаться, когда он просто ей сказал, что предпочитает любовнице — жену?

Разрыв их случился в сентябре, а до этого, в августе, Аделина подарила ему некую святыню или оберег на его день рождения. Сначала предупредила, что будет «подару-

нок», потом долго искала в сумочке, наконец достала изящный розовый пенал, а из него — флакончик с кнопкой, но главной была, оказывается, сама внутренняя отделка пенала: сборчатая, платинового блеска, серебряно-золотого. Так упаковывают дорогие украшения, где футляр бывает изящен под стать самому перстню. Михаил застыл, вглядываясь в переливчатые кулисы этих складочек, а она попрыскала из флакончика ему на шею сзади, а потом себе на ладонку и быстро поднесла ее к носу Михаила.

— Приятный аромат, да?.. Это и есть мой сувенир...

Она защелкнула футляр и подала Михаилу, который принял дар с невольным полупоклоном, но, расставшись с ней, чуть не швырнул эту хрень в какую-нибудь урну. Сувенир, блин! Это что, намек, что от него плохо пахнет?

— Слушай, у меня есть жена, — сказал он Аделине в следующую их встречу, последнюю. — Поэтому...

— На собрания, я так понимаю, тоже ходить не будешь? — как бы подсказала ему Адель.

— Собрания? А я разве... Впрочем, действительно, сейчас много работы...

...О собраниях через два дня заговорил с ним тесть, Водовозов.

Истерику начала беременная жена Татьяна, но тесть быстренько ее удалил, чтобы не волновалась. А сам закрылся с Михаилом.

— Ты знаешь, что я из-за этих «панов Гетманов» могу не получить генеральское звание? — загрохотал он так, как, пожалуй, и не слыхивал Михаил. Обычно тесть говорил глухим басом, но изредка срывался на фистулу.

— Я не знал, что вы его получите, — быстро ответил Миша.

— Так вот теперь и не получу, а виноват во всем... — Павел Васильевич взвизгнул: — И ты тоже виноват! Хотя в этой самостийной республике — черт поймет, кто кому хвосты крутит! Со мной беседовал коллега из Киевского УКГБ, — пояснил тесть. — Этих гавриков прихлопнут в ближайшее время, но тебя — я договорился — допрашивать не будут. Хотя, может, дернут свидетелем, ты дай показания, какие надо. Пора кончать с этими происками западнцев... Сажать их к чертовой матери!

...Но сажать не получилось — чуть-чуть не успели. Дело «собраний пана Гетмана» тянулось первые два горбачевских года, потом его не только закрыли, но и повернули в обратную сторону. Дело возбудили против следователей КГБ, а подследственные — в их числе Петро, Станислав, Аделина — вошли в ядро «новой, свободной власти». К тому времени Михаил уже развелся и в Киев больше не ездил. Глухие слухи доходили до Ленинграда, вскоре переименованного в Петербург: такие-то вошли в правительство Украины, а такие-то (в их числе Водовозов-старший) сняты с должностей и отданы под суд.

* * *

Их сын родился в конце 1984-го, и Таня назвала его, конечно, в честь папы — Павлом. В 1985-м, как семья молодых специалистов в оборонной отрасли, они получили квартиру.

Защита Михаила планировалась на январь 1987-го, но с электронным коммутатором не заладилось, и ее перенесли на следующий год, а потом Михаил сделал, быть может, самый резкий в своей жизни шаг: бросил науку и семью и вернулся в Ленинград, где с бывшими сокурсниками учредил кооператив.

Тот футляр, который подарила ему Аделина, он не только не выбросил, но хранил его и почитал. Иногда смотрел в парчовые складочки, как в бесконечность. То, что открыли ему молодые украинцы, он сам для себя называл «тонким миром» и берег

его, охраняя от грубости Водовозовых и иже с ними. Ведь «тонкий мир» не имел границ, и в России чуткие души искали его, как слепые, на ощупь.

...Все у Михаила получилось. Кооператив преобразовался в ООО, оно вскоре распалось, но Михаил уже был в числе учредителей еще двух ЗАО и к двухтысячному году обосновался в слое «новых русских». Купил квартиру в Питере, потом и дом за городом, женился второй раз... «Тонкий мир» не дал себя в обиду, наоборот, в России утвердился, кажется, столь же прочно, как и на Украине. Но о «незалежной» Михаил теперь отчетливо судить не мог, так как не ездил туда с тех же самых девяностых, да и не тянуло.

А ведь город Киев он успел хорошо узнать и вспоминал его часто. Иногда сущие мелочи всплывали, например, разговор в одну из зим с тогдашней его тещей, Таниной мамой. С этой женщиной ему как-то всегда было не о чем говорить, и он, чтобы не длить молчание — они вместе ждали автобуса, — кивнул на деревья против остановки, указал на черные в сумерках сгустки в кронах, на эти самые кусты омелы.

- Вы знаете, что это? Растение-паразит омела, вон черные пятна.
- Что? — удивилась теща. — Да это гнезда, глупый. Вороньи гнезда!
- Гнезда? — Михаил опешил.
- Ну конечно! А ты что подумал?